

18+

КРИСТИНА ОТВИНОВСКАЯ

Женщины, которые что-то скрывают...

КНИГА ПЕРВАЯ...

Кристина Отвиновская

**Женщины, которые что-то
скрывают... Книга первая...**

«Издательские решения»

Отвиновская К.

Женщины, которые что-то скрывают... Книга первая... /
К. Отвиновская — «Издательские решения»,

Восемьдесят двухлетняя Анна Алексеевна много лет живёт в обычной девятиэтажке. Для соседей она — одинокая, доброжелательная старушка: угощает домашней едой, интересуется чужим здоровьем, помогает советом. Никому не приходит в голову, что за образом безобидной пенсионерки скрывается человек, десятилетиями распоряжавшийся чужими жизнями. Однажды ночью Анна Алексеевна вытаскивает из квартиры тяжёлый чёрный пакет...

Содержание

ЧАСТЬ I	6
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	24
ЧАСТЬ II	27
ГЛАВА 4	27
ГЛАВА 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Женщины, которые что-то скрывают...

Книга первая...

Кристина Отвиновская

© Кристина Отвиновская, 2026

ISBN 978-5-0070-9906-6 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-9907-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

Дом спал плохо. Старые девятиэтажки вообще редко спят крепко: они потрескивают трубами, вздыхают лифтами, шуршат за стенами. В них всегда кто-нибудь бодрствует: старик с бессонницей, младенец с коликами или мужчина у окна с сигаретой, женщина. Но в эту ночь дом будто крепко спал.

Анна Алексеевна стояла у двери своей квартиры и прислушивалась. За дверью было тихо. В подъезде не слышалось шагов, не хлопали двери, не ворчал лифт. Только где-то внизу, возле мусоропровода, глухо звякнула пустая бутылка — и снова всё замерло. Старушка поправила платок, опустила взгляд на большой чёрный пакет у своих ног и недовольно поджала губы.

— Что ж ты такая тяжёлая-то? — прошептала она. — При жизни легче была.

Она взялась за узел пакета обеими руками и потянула. Пакет не сдвинулся. Анна Алексеевна шумно выдохнула, упёрлась пятками в половики и дёрнула сильнее. Пакет нехотя пополз по линолеуму, оставляя за собой тёмную влажную полосу. Старушка увидела её, замерла и нахмурилась.

— Ну вот, — с упрёком произнесла она. — Всегда от тебя одни хлопоты, Томка.

Анна Алексеевна вернулась в квартиру, взяла в прихожей старую тряпку, тщательно протёрла пол, а затем спрятала тряпку в таз под раковиной. Снова вышла, заперла дверь на оба замка и некоторое время постояла, вслушиваясь в тишину. На лестничной площадке пахло пылью, кошачьим кормом и старой краской. Анна Алексеевна жила в этом доме более сорока лет и знала все его запахи. Знала, в какой квартире по пятницам жарят рыбу, кто пьёт, кто врёт, кто боится мужа, а кто лишь делает вид, что у него всё хорошо.

Дом многое мог рассказать, если бы умели его слушать, Анна Алексеевна умела слушать.

Лифт долго не ехал. Старушка стояла рядом с пакетом, тяжело дышала и смотрела на светящуюся кнопку вызова. На мгновение ей показалось, что изнутри мешка донёсся тихий звук — будто кто-то провёл ногтем по целлофану. Анна Алексеевна резко посмотрела вниз. Пакет лежал неподвижно.

— Хватит, — сказала она. — Отжила своё.

Лифт наконец открылся. Двери разъехались с усталым металлическим стоном. Анна Алексеевна втащила пакет внутрь, вошла следом и нажала кнопку первого этажа. Кабина дёрнулась и медленно поползла вниз.

В зеркале напротив отражалась маленькая сухая женщина с бледным лицом, тонкими губами и глазами, в которых не было ни страха, ни жалости. Только раздражение. Такое бывает у людей, которых вынудили заниматься неприятным домашним делом: мыть духовку, прочищать засор, выносить мусор.

— А я тебя предупреждала, Томка, — пробормотала она, глядя на своё отражение. — Не суйся. Живи себе спокойно. Пей чай. Смотри свои сериалы. Нет же. Всё тебе надо знать.

Лифт остановился между этажами. Анна Алексеевна замолчала. Свет в кабине мигнул один раз, потом второй, а потом лифт дрогнул и снова поехал. Старушка медленно выдохнула.

— Вот ещё не хватало, — сказала она. — Застрясть с тобой.

На первом этаже двери открылись, но пакет зацепился за порог. Анна Алексеевна потянула его, не удержалась и едва не упала. Выругалась шёпотом — совсем не по-старушечьи, коротко и зло. Потом снова ухватила за узел и поволокла пакет к выходу.

Ступени у подъезда были мокрыми после вечернего дождя. На улице горел одинокий, слишком яркий фонарь. Свет бил прямо в глаза, и Анна Алексеевна на мгновение зажмурилась.

Двор был пуст.

У дальнего подъезда стояла машина с запотевшими окнами. На детской площадке качивалась пустая качель — тихо, едва заметно, будто кто-то только что с неё слез. Ветер шевелил ветви тополя, и их тени скользили по асфальту длинными чёрными пальцами.

Анна Алексеевна потащила пакет к мусорным бакам. Через каждые несколько шагов она останавливалась и переводила дыхание.

— Раньше я не замечала, — сипло сказала она, — что мусор так тяжело выносить.

Она говорила не потому, что ждала ответа. Просто тишина раздражала её. После чужого присутствия она всегда казалась слишком громкой.

— А ты всё спрашивала, — продолжила старушка. — «Анна, а почему ты мусор по ночам носишь?» «Анна, а кто это к тебе приходил?» «Анна, а почему у тебя свет до утра горит?» Да какая тебе разница, Томка? Какая тебе, прости господи, разница?

Она остановилась под фонарём. На лбу выступили капли пота, хотя ночь была прохладной.

Перед глазами на мгновение возникло лицо Тамары — круглое, тревожное, с мелкими морщинами возле губ. Тамара всегда говорила быстро. Всегда наклонялась ближе, будто боялась упустить важное слово.

«Анна, ты не обижайся, но я кое-что помню...» — говорила она.

Анна Алексеевна крепче сжала узел пакета.

— Вот и допоминалась.

Возле мусорных баков пахло гнилыми яблоками, мокрым картоном и чем-то кислым. Старушка попыталась приподнять пакет, но тут же поняла, что не сможет.

Она оглянулась. Окна дома смотрели на неё чёрными прямоугольниками. Только на шестом этаже у кого-то работал телевизор. Анна Алексеевна оставила пакет рядом с контейнером, он упал тяжело и глухо. Старушка замерла и прислушалась, было тихо, только где-то вдалеке проехала машина.

— И так сойдёт, — сказала она. — Утром заберут.

В её голосе звучала уверенность. Она поправила платок и медленно пошла обратно. Возле подъезда остановилась и подняла голову. Луна висела над крышей — почти круглая, мутная, словно завернутая в марлю. Звёзд почти не было видно.

— А раньше звёздочки были крупнее, — пробормотала Анна Алексеевна. — Или глаза лучше видели.

Она постояла ещё немного. Ей вдруг вспомнился тот же двор сорок лет назад. Ей пятьдесят два. Деревья тогда были ниже, асфальт новее, а руки — сильнее. Соседка с третьего этажа спрашивала:

— А Александр-то ваш так и не объявился?

Анна тогда опустила глаза и ответила:

— Не объявился.

Она достала ключи. Связка звякнула в ночи слишком громко. Магнитный ключ коротко пискнул, дверь подъезда открылась. Внутри было теплее. Пахло сыростью и чужими тапками.

Лифт ехал долго. Анна Алексеевна стояла перед дверями и рассматривала своё отражение в мутной металлической поверхности. Старость, конечно, портила лицо. Но старость же и помогала. У старух обычно ищут таблетки, жалобы и кошелёк в пакете из-под хлеба, а не темные тайны в их шкафах.

Выйдя на своём этаже, Анна Алексеевна сделала несколько шагов к квартире и вдруг остановилась. Над соседской дверью горел маленький красный огонёк. Камера, которую повесил молодой сосед — Артём или Антон, Анна Алексеевна всё время забывала. Высокий, вечно с телефоном, разговаривает быстро, улыбается без причины. Сказал, что камера нужна «для безопасности». Мол, велосипеды воруют, закладки какие-то ищут, дети кнопки в лифте поджигают.

Анна Алексеевна подняла руку и помахала в камеру, как делала всегда. Маленький приветливый жест старой соседки. Потом открыла дверь и вошла в квартиру.

В прихожей было тихо. Она сняла обувь, аккуратно поставила её у стены, прошла на кухню и включила маленький ночник над плитой. На столе стояли две чашки. Анна Алексеевна взяла чашку Тамары, подержала её в руках и вдруг улыбнулась.

— А ведь я тебя предупреждала, — почти ласково сказала она. — Много раз предупреждала.

Чашку она мыла долго и тщательно. Потом вымыла вторую. Потом стол. Когда закончила, часы показывали четыре сорок семь. Спать Анна Алексеевна легла только через два часа и почти сразу уснула.

Стук в дверь раздался в девять двадцать утра. Сначала Анна Алексеевна подумала, что ей снится пропавший муж Александр. Он часто стучал именно так: коротко, требовательно, без пауз. Она открыла глаза. Стук повторился.

— Анна Алексеевна? — донёсся из-за двери женский голос. — Вы дома?

Старушка села на кровати. Несколько секунд смотрела перед собой, вспоминая, где находится, какой сегодня день и что именно ей теперь нужно помнить. Затем медленно встала, накинула халат, подошла к зеркалу в прихожей и поправила волосы.

— Кто там? — спросила она, хотя уже узнала голос.

— Это Ульяна, дочь Тамары. Простите, пожалуйста, что так рано.

Анна Алексеевна открыла не сразу. Сначала сняла цепочку. Потом повернула один замок, затем второй. Наконец чуть приоткрыла дверь, оставив между собой и гостьей узкую щель.

На площадке стояла женщина лет тридцати пяти. В руке у неё был телефон, на плече висела сумка. Лицо бледное, губы искусаны. Видно было, что она не спала ночь, а может, и две.

— Анна Алексеевна, простите, что разбудила, — быстро заговорила Ульяна. — Я с вечера не могу до мамы дозвониться. Вы случайно не знаете, где она?

Старушка прищурилась, будто вопрос оказался слишком сложным для раннего утра.

— Здравствуй, милая. Нет, не знаю. Мы с Томой чай пили буквально вчера. Посидели, поговорили, и она пошла домой.

— Домой она не пришла.

Анна Алексеевна едва заметно подняла брови.

— Как это — не пришла?

— Вот так. Не пришла. Телефон выключен. Соседка снизу сказала, что не видела её несколько дней. Я подумала, может быть, она у вас.

— У меня? — Старушка тихонько усмехнулась. — Милая, ну куда ей у меня быть? Я сама вся в делах и заботах.

Она собралась закрыть дверь, но Ульяна положила ладонь на косяк. Не грубо, однако твёрдо. Анна Алексеевна посмотрела на эту ладонь.

— Если вы что-нибудь узнаете, пожалуйста, сразу сообщите мне, — сказала Ульяна. — И ещё... Мама говорила, что оставила вам запасные ключи от своей квартиры. На всякий случай.

Пауза получилась чуть длиннее, чем следовало.

— Ключи? — переспросила Анна Алексеевна.

— Да. Она сказала мне об этом в последний раз. У вас должен быть комплект.

— У меня?

— У вас.

Старушка нахмурилась, словно ей пришлось рыться в усталой памяти.

— Ох, милая... Может, и оставляла. Я сейчас так сразу не вспомню. Возраст уже, сама понимаешь. То очки ищу, а они на голове. То сахар в холодильник поставлю.

Ульяна не улыбнулась.

— Ключи нужно найти.

Анна Алексеевна медленно моргнула.

— Нужно?

— Да. Я хочу попасть в квартиру.

— А полицию ты вызвала?

— Пока нет.

— Вот и правильно, — мягко произнесла бабушка. — Зачем сразу полиция? Может, Тома к подруге уехала. Может, телефон потеряла. Она у нас женщина была... своеобразная.

Ульяна достала из сумки визитку и протянула ей.

— Вот мой номер. Пожалуйста, как только найдёте ключи, сразу позвоните. Я живу недалеко, приеду за десять минут.

Анна Алексеевна взяла визитку двумя пальцами. На карточке было написано:

**Ульяна Игоревна Соколова
Юрист**

Старушка задержала взгляд на последнем слове Юрист. Вот ведь Томка, даже дочь у неё оказалась неудобная, подумала бабушка про себя.

— Хорошо, милая, — сказала Анна Алексеевна. — Поищу. Сейчас только давление измерю, таблетку выпью и поищу.

Ульяна посмотрела ей прямо в глаза, и в этот момент Анна Алексеевна впервые почувствовала лёгкое, почти забытое покалывание под рёбрами. То же самое она испытала сорок лет назад, когда участковый стоял у неё на кухне и спрашивал, во сколько Александр ушёл из дома.

— Мне и правда нехорошо, — сказала старушка уже мягче. — Вечером зайди. Или завтра. Я позвоню.

Ульяна ещё секунду держала ладонь на косяке, потом убрала.

— Хорошо. Я буду ждать вашего звонка. Но если мама не объявится сегодня, я обращусь в полицию. Поправляйтесь.

— Конечно, милая. Поступай как считаешь нужным.

Дверь закрылась. Анна Алексеевна некоторое время стояла неподвижно и слушала, как шаги Ульяны удаляются к лифту. Потом наклонилась к глазку. Ульяна не уехала сразу. Она остановилась возле соседской двери и посмотрела на камеру, над которой горел красный огонёк. Затем достала телефон и сфотографировала её.

Анна Алексеевна медленно отстранилась от глазка. В квартире было тихо. На кухне тикали часы. Из ванной пахло хлоркой.

— Юрист, значит, — сказала она.

Анна Алексеевна прошла в комнату, открыла нижний ящик серванта и достала старую жестяную коробку из-под печенья. Внутри лежали пуговицы, советские монеты, сломанные часы, несколько ключей на разных кольцах и маленькая фотография, вырезанная из документа.

Она перебрала ключи, один комплект был перевязан красной ниткой, он как раз и принадлежал Тамариной квартире. Анна Алексеевна подержала ключи на ладони, потом положила обратно и закрыла коробку. Звонить Ульяне она не собиралась.

ГЛАВА 2

Сорок лет назад Анна Алексеевна проснулась от такого же стука в дверь короткого и требовательного. Так обычно стучали люди, которые считали, что имеют право войти без приглашения.

Так обычно стучал Александр. Анна открыла глаза и несколько секунд лежала неподвижно, глядя в потолок. В комнате было серо от раннего утра. Шторы висели неподвижно, на подоконнике дрожал от сквозняка сухой лист герани. Рядом, на второй половине кровати, никого не было, Анна повернула голову.

Подушка Александра лежала ровно без вмятины, без следа чужого сна. Анна провела по ней ладонью, будто проверяла, не осталось ли тепла.

Стук повторился. Анна медленно села. Голова отозвалась тупой болью, виски сдавило, а кожа возле правого глаза неприятно натянулась. Она подошла к зеркалу на дверце шкафа и внимательно посмотрела на своё отражение.

Синяк выглядел почти красиво. Жёлто-фиолетовое пятно расплзлось над виском, уходило к линии волос и делало лицо Анны жалким, незащищённым. Она поправила ворот халата и подошла к двери. Перед тем как открыть, взглянула на пол в прихожей, он был чист.

Но по всей квартире держался запах хлорки — тяжёлый, резкий, больничный. Запах вёлся в пальцы, волосы и горло. Казалось, если она заговорит, у неё даже изо рта запахнет хлоркой. Анна глубоко вдохнула и открыла дверь.

На площадке стоял участковый. Ещё молодой, широкоплечий, в плохо выглаженной форме. Фуражку он держал под мышкой, блокнот — в руке. Анна знала его: Сергей Викторович. В доме его называли Серёжей-милиционером.

Он посмотрел на неё слишком внимательно.

— Анна Алексеевна, доброе утро.

— Доброе, Сергей Викторович, — тихо ответила она.

Голос получился правильным: сонным, слабым, немного испуганным.

— Я по поводу вашего мужа. Александра Николаевича.

Анна опустила глаза.

— А что с ним?

Участковый слегка нахмурился.

— Вот я у вас и хотел спросить. С работы звонили. Говорят, несколько дней не появляется. Сначала решили, что запил, потом товарищ его забил тревогу. Вы не знаете, где он?

— Мы поссорились, — сказала Анна. — Пять дней назад. Он ушёл и до сих пор не вернулся.

— Пять дней? — переспросил участковый.

— Может, шесть. — Анна коснулась виска, будто ей было трудно вспоминать. — Я после этого плохо себя чувствовала. Дни как-то... смешались.

Сергей Викторович посмотрел на её руку.

— А что это у вас?

Он указал на синяк. Анна сделала вид, будто только теперь о нём вспомнила. Поднесла ладонь к виску, коснулась кожи и поморщилась.

— Это...

Она замолчала. Пауза должна была быть недолгой — ровно настолько, чтобы участковый всё додумал сам.

— Это Александр? — спросил он.

Анна ответила не сразу.

— Мы поссорились. Он меня толкнул. Я упала и ударилась о край тумбочки.

Анна отвернулась, будто ей стало стыдно. Она и раньше умела вызывать жалость, но с Александром это не действовало.

— Простите, — сказал Сергей Викторович.

Он заметно смягчился. Мужчины всегда менялись, когда женщина плакала. Крик они ещё могли выдержать, истерику — осадить, а вот тихие слёзы обезоруживали.

— Анна Алексеевна, вы меня извините, но мне надо пройти. Посмотреть, всё ли в порядке. Понимаете, порядок такой.

— Конечно.

Она сразу отошла в сторону.

— Проходите.

Он не разулся, только тщательно вытер подошвы о половик. Анна заметила, как его взгляд скользнул по чистому полу, крючкам у двери и пустому месту, где обычно висело пальто Александра. Пальто Анна убрала заранее, а вот шапку забыла. Анна увидела её и почувствовала, как внутри всё сжалось.

Участковый тоже посмотрел на шапку, но ничего не сказал.

Квартира была трёхкомнатная, просторная, с отдельными комнатами. Такие квартиры в доме любили обсуждать: кому дали, за что дали, через кого выбили. Александр особенно гордился своим кабинетом. Эту комнату он никогда не называл просто комнатой или рабочим уголком. Именно кабинетом.

Анна редко туда заходила. Не потому, что боялась запрета. Просто там всё было пропитано Александром: табаком, коньяком, одеколоном, бумагами, тяжёлой мебелью и его самодовольством.

Участковый сначала заглянул в зал. Зал был чистым, пустым, правильным. Хрусталь в серванте стоял ровно. Скатерть на столе была выглажена. На спинке кресла лежала газета трёхдневной давности. Анна специально оставила её там.

Потом он прошёл в спальню. Анна осталась в прихожей, но слышала, как скрипнула дверца шкафа, как участковый открыл ящик тумбочки, как шагнул к окну. Через минуту он вернулся.

— Его вещи на месте?

— Какие вещи?

— Одежда, документы.

Анна пожала плечами.

— Я не проверяла. Он часто уходил в том, что было на нём. А документы... Паспорт, кажется, дома. Он почти никогда его не носил. Говорил: «Я что, бродяга, что ли, с паспортом ходить?»

Участковый что-то записал в блокнот.

— В кабинет можно?

— Конечно.

Анна пошла за ним, но остановилась у двери. Ей не хотелось входить туда. Она боялась, что внутренняя тревога выдаст её. Кабинет Александра был единственным местом в квартире, где Анна не смогла навести полный порядок.

На столе стояла открытая бутылка коньяка. Рядом — стакан с засохшим янтарным следом на дне. Пепельница была полна окурков, хотя Александр всегда заставлял её вычищать пепельницы сразу. На краю стола лежали автомобильные журналы, схемы, листки с цифрами, адресами и фамилиями.

Сергей Викторович медленно осматривал комнату. Он открыл ящик стола. В первом лежали ручки, старые квитанции, набор отвёрток и коробок спичек.

Во втором — фотографии полуобнажённых женщин. Участковый достал их не сразу. Сначала просто замер, потом Анна услышала шелест бумаги.

— Это что? — спросил он.

— Не знаю.

И снова это была почти правда. Она знала о фотографиях. Однажды увидела их, когда искала ключ от кладовки. Молодые женщины, чужие комнаты, обнажённые плечи, улыбки. Тогда она закрыла ящик и больше к нему не подходила.

Участковый вышел из кабинета с несколькими снимками в руке. Лицо у него было уже не служебным, а человеческим — смущённым и слегка брезгливым.

— Вы знали об этом?

Анна посмотрела сначала на девушек, затем на участкового и только потом отвела глаза.

— Догадывалась.

Он хотел что-то сказать, но промолчал. Мужская солидарность и служебная обязанность столкнулись в нём и обе почувствовали себя неловко.

— У него были женщины? — спросил он наконец.

— Наверное.

— И вы из-за этого ссорились?

Анна едва заметно улыбнулась. Улыбка получилась горькой.

— Сергей Викторович, если бы мы ссорились каждый раз, когда у Александра появлялась женщина, я бы давно разучилась спокойно разговаривать. Только кричала бы.

Он опустил фотографии. Теперь ему стало ещё неудобнее, а Анна в этот момент почувствовала власть над ним. Участковый вернулся в кабинет, положил снимки обратно, осмотрел пол, шкаф и занавески. Один раз присел возле письменного стола.

Анна почувствовала, как спина покрылась холодным потом. Там, возле ножки стола, оставалось пятно. Тёмная точка в щели между паркетинами. Анна тёрла её щёткой до боли в пальцах, потом заливала хлоркой и снова тёрла. Когда рассвело, пятна почти не было видно.

Участковый провёл пальцем по полу.

Анна перестала дышать.

— У вас здесь паркет вздулся, — сказал он.

Она выдохнула.

— Давно. Александр всё собирался мастера вызвать.

— Понятно.

Сергей Викторович поднялся и пошёл на кухню. Анна села за стол раньше, чем он вошёл. На кухне хлоркой пахло сильнее всего. Её резкий запах смешивался с ароматом малинового варенья, сырой тряпки и холодного чая. На столе стояла нарочно открытая банка варенья. Рядом лежала треснувшая крышка. Участковый остановился на пороге.

— Анна Алексеевна.

— Да?

— А почему у вас так хлоркой пахнет?

Вопрос прозвучал резко. Слишком резко для человека, которому уже стало её жалко. Анна подняла на него глаза, в душе она чувствовала себя на удивление спокойно.

— Варенье уронила, — сказала она. — Вчера. Банка разбилась, всё по полу растеклось. Липкое, сладкое. Муравьи пойдут — потом не выведешь.

— Хлоркой варенье отмывали?

— А чем? — Она устало усмехнулась. — У меня ничего другого нет. Я всё хлоркой мою.

Он посмотрел на пол. Пол блестел.

— Последние дни одна были? — неожиданно спросил он.

— Что?

— Одна жили?

— Да.

— Никто не приходил?

— Соседка заходила. Тамара. Соль просила. Или спички... Не помню.

Он записал.

— Фамилия Тамары?

— Соколова. Молодая такая. Быстрая. Всё ей надо.

Тамара не заходила ни за солью, ни за спичками, три дня назад она остановила Анну возле почтовых ящиков и спросила:

«Анечка, а у вас ночью что-то упало? Я даже проснулась».

Анна тогда улыбнулась и ответила:

«Это у нас всегда что-нибудь падает, Тамара. Дом старый».

Сергей Викторович закрыл блокнот.

— Ну что, я всё осмотрел. Пока будем считать, что Александр Николаевич ушёл сам. Но вы всё равно зайдите в отделение и напишите заявление о пропаже.

— Конечно.

— Сегодня сможете?

— Сегодня мне нехорошо. Голова кружится. Завтра приду.

Он снова посмотрел на синяк.

— Тогда завтра.

— Спасибо.

Участковый уже направился к двери, но в прихожей вдруг остановился. Он смотрел на меховую шапку.

— Холодно было в ту ночь, когда он ушёл?

— Не помню.

— Шапка его?

Анна подошла ближе, словно только теперь её заметила.

— Его.

— Получается, он ушёл без неё?

Анна на мгновение прикрыла глаза от раздражения толи на себя, толи на душного милиционера.

— Он был злой, — тихо сказала Анна. — Когда Александр злился, мог и босиком уйти, лишь бы дверью хлопнуть погромче.

Участковый посмотрел на неё.

— Часто бил?

Анна промолчала. И это молчание оказалось убедительнее любого ответа.

Сергей Викторович тяжело вздохнул. Видимо, до сих пор считал Александра порядочным человеком и теперь никак не мог совместить этот образ с изменами и побоями.

— Ладно. Завтра жду вас.

Анна открыла дверь на площадке было пусто, из лифта тянуло сыростью и табаком. Участковый вышел, спустился на несколько ступеней, но затем вернулся к лифту и нажал кнопку. Достал блокнот и что-то дописал. Анна наблюдала за ним через глазок.

Анна не сразу отошла от двери. Стояла и слушала, как кабина уходит вниз, как глухо стучат тросы, как дом снова принимает тишину, только тогда она вытащила из кармана халата мужские часы. Тяжёлые, с потёртым ремешком и треснувшим стеклом.

Александр любил их больше многих живых людей. Говорил, что часы швейцарские, хотя Анна подозревала, что купил он их у какого-то знакомого за полцены и история у них была сомнительная.

Он почти никогда их не снимал. Даже когда спал. Сильно ругался, когда Анна трогала их или перекладывала с места на место. Теперь эти часы лежали в её ладони — тихие и мёртвые. Стрелки остановились на 2:17.

Анна смотрела на них и не могла понять, почему именно эта вещь казалась ей опаснее всего.

Анна прошла в комнату, открыла нижний ящик серванта и достала жестяную коробку из-под печенья. Внутри уже лежали старые пуговицы, несколько монет, сломанная брошь и ключ от неизвестного замка. Она положила часы на дно и накрыла носовым платком.

Крышка закрылась с тихим щелчком. В ту же секунду в дверь снова постучали. На этот раз стук был другим — нетерпеливым.

Анна замерла. Потом медленно поставила коробку обратно в ящик, закрыла его и подошла к двери. В глазок смотрело круглое молодое лицо Тамары.

Ей тогда было чуть больше тридцати. Она жила двумя этажами ниже, ходила быстро, говорила ещё быстрее и всегда появлялась там, где что-нибудь происходило. У неё были внимательные глаза человека, который запоминает не потому, что хочет, а потому, что не умеет иначе.

Анна открыла дверь.

— Привет, Анечка, — сказала Тамара и тут же заглянула ей за плечо. — Видела, от тебя участковый уходил. Что случилось?

— Ничего особенного.

— Как это — ничего? Милиция просто так не ходит.

— По поводу Александра.

Тамара мгновенно перестала улыбаться.

— А что Александр?

— На работе его ищут. Он не появлялся.

— Так он не вернулся? — торопливо спросила Тамара.

— Нет. Мы поссорились, и он ушёл.

Тамара прижала ладонь к груди.

— Господи. А я думала, он дома.

— Почему?

Вопрос прозвучал чуть резче, чем следовало.

— Не знаю, — медленнее произнесла соседка. — Свет у вас по ночам горел. Вода шумела. Я ещё подумала: опять Александр ремонт затеял или что.

Анна улыбнулась.

— Я убиралась. Не спалось.

— Пять дней?

— Тамара, тебе что-нибудь нужно?

Соседка моргнула. Анна тут же смягчила голос:

— Прости. Голова болит. Александр меня перед уходом толкнул.

Она слегка повернула лицо, показывая синяк. Тамара ахнула.

— Вот ведь скотина.

Слово прозвучало искренне.

— Может, и хорошо, что ушёл, — добавила она. — Прости, конечно, но все слышали, как он с тобой разговаривал.

Анна опустила глаза. Тамара сделала шаг ближе.

— А заявление ты написала?

— Завтра пойду.

— Правильно. Хотя...

Тамара замялась. Анна почувствовала, как внутри натянулась тонкая струна.

— Что?

— Да странно просто.

— Что именно?

Тамара посмотрела в прихожую. Не прямо, не нагло, а словно случайно. Но её взгляд остановился на шапке.

— Он без шапки ушёл?

Анна не ответила.

— Мороз был ночью, — продолжила Тамара. — Я помню. У меня окно на кухне промёрзло. А Александр всегда в этой шапке ходил. Даже когда тепло.

Анна улыбнулась.

— Значит, сильно разозлился.

— Наверное.

Тамара кивнула, но не ушла. Стояла на пороге, мяла край кофты и смотрела то на Анну, то в глубину квартиры.

— А ещё... — начала она.

Анна очень тихо вдохнула.

— Что ещё?

— Я в ту ночь проснулась. Ну, когда вы ссорились. У нас же всё слышно. Сначала был крик. Потом грохот. А потом... — Тамара нахмурилась, вспоминая. — Потом будто что-то по полу тащили. Такой звук неприятный. Я ещё мужу сказала: «Опять у них там что-то». А он велел не лезть.

— Правильно велел.

Фраза вырвалась сама. Между ними повисла тишина. Небольшая, всего на несколько секунд.

— Тамара, — мягко сказала Анна. — Ты же знаешь Александра. Он мог стул швырнуть. Мог посреди ночи шкаф двигать, если ему в голову взбрело. Он ушёл злой. Я осталась одна, с разбитой головой. Мне и так тяжело.

Тамара смутилась.

— Да я не хотела...

— А чего ты хотела? Помочь?

— Ну да.

— Тогда помоги.

— Чем?

Анна положила руку на косяк и слегка наклонилась к ней.

— Не разноси это по всему дому. Не надо, чтобы меня обсуждали. Мне завтра в милицию идти. Мне и без того стыдно.

Тамара покраснела.

— Я никому не скажу.

— Спасибо.

Но уходить она всё равно не спешила. Её взгляд опять скользнул в прихожую.

— А часы он взял?

Сердце Анны ударило один раз — сильно, почти больно.

— Какие часы?

— Свои. С треснутым стеклом. Он ими всё хвастался. Помнишь, на Новый год показывал? Говорил, что дорогие.

Анна не двигалась, а Тамара продолжала, ещё не понимая, как близко подошла к краю:

— Он же без них даже мусор не выносил. Я однажды видела, как вернулся с полпути, потому что забыл.

Анна медленно улыбнулась.

— Не знаю, Тамара. Не смотрела.

— А если они дома, значит...

— Что значит?

Голос Анны стал совсем тихим. Тамара осеклась. Она вдруг поняла, что задает слишком много неудобных вопросов.

— Ничего, — быстро сказала соседка. — Я просто так. Переживаю.

— Спасибо.

— Если что, зови. Я рядом.

— Обязательно.

Тамара начала спускаться по лестнице, но на пролёте обернулась.

— Анечка?

— Да?

— Ты дверь на ночь закрывай. Мало ли. Если Александр вернётся пьяный...

Анна посмотрела на неё сверху вниз.

— Закрою.

Тамара ушла, Анна заперла дверь и ещё долго стояла в прихожей. Потом подошла к шапке Александра, сняла её с крючка и прижала к груди. От меха пахло морозом, табаком и его одеколоном. Она ненавидела этот запах.

Анна прошла в комнату, достала жестяную коробку, открыла крышку и снова посмотрела на часы. Стрелки по-прежнему показывали 2:17. Она взяла их двумя пальцами, словно они могли её испачкать, и хотела спрятать поглубже, под пуговицы.

Где-то кто-то включил радио. Внизу хлопнула дверь подъезда. По трубам побежала вода. Дом жил, шумел, просыпался, готовился обсуждать чужую беду.

В этот момент Анна поняла одну простую вещь, люди верят не фактам, люди верят привычному. Если мужчина пил, грубил, изменял и бил жену, все легко поверят, что однажды он хлопнул дверью и исчез. Если женщина тихая, чистоплотная, с синяком у виска, все так же легко поверят, что она жертва.

Анна положила часы обратно в коробку. Сверху бросила пуговицы, старую монету и сломанную брошь. Потом достала из шкафа большую сумку. К вечеру в квартире стало меньше Александра...

На следующий день она пришла в отделение и написала заявление. Плакала немного — ровно столько, сколько требовалось. Александра искали вяло. Сначала по больницам, потом у знакомых, потом в каких-то списках. Через месяц о нём говорили уже меньше. Через полгода — почти не говорили. Через год соседки при встрече спрашивали:

— Не объявился?

Анна отвечала:

— Не объявился.

И ей верили. Все верили.

ГЛАВА 3

Впервые за много лет в квартире Анны и Александра воцарился покой, никто не кричал, и никто ничего не требовал. Никто ее не бил и не оскорблял. Первые дни после исчезновения мужа Анна ходила по квартире осторожно, будто всё ещё боялась его разбудить. Она вставала рано, как привыкла, ставила чайник, нарезала хлеб тонкими ломтиками и по привычке ставила на стол вторую чашку. Затем улыбалась и убирала обратно в шкаф.

Поначалу все казалось странным. Пустое место за столом словно жило своей жизнью. Стул Александра стоял чуть отодвинутый, будто хозяин вот-вот вернется, тяжело опустится на него и скажет:

— Чего уставилась? Чай наливай.

Но Александр не возвращался и никогда бы не вернулся.

Анна же ждала страха, но он не пришёл, как когда-то. Ждала раскаяния — оно тоже не пришло.

На третий день после визита участкового она села утром у окна с чашкой чая и вдруг поняла, что пьёт его горячим. За долгое время, не остывшим и не наспех, а горячим и медленно. Анна держала чашку обеими руками, смотрела, как поднимается пар, и чувствовала внутри странное, почти детское удивление. Она улыбнулась сначала едва заметно, будто боялась, что за это ей снова достанется, потом всё шире и увереннее. Эта улыбка показалась ей неприличной, и она прикрыла рот ладонью, хотя в квартире никого не было.

Она прошла по своей тихой и умиротворенной квартире и остановилась у кабинета. Раньше эта дверь всегда была закрыта. Даже когда Александра не было дома, казалось, что его гнилая сущность оставалась внутри и сторожила порог. Анна положила ладонь на ручку и повернула её, дверь легко поддалась.

В кабинете до сих пор пахло Александром — табаком, коньяком, одеколоном, пылью и старой бумагой. Анна распахнула окно. Холодный воздух ворвался в комнату, зашевелил бумаги на столе, тронул занавеску.

Она стояла посреди кабинета и смотрела на вещи мужа: на кресло, пепельницу, недопитую бутылку коньяка. Раньше всё это принадлежало ему, а теперь же только ей.

Анна подошла к столу, села в кресло Александра и положила руки на подлокотники. Кресло было большим, кожаным, с потёртостями на сгибах. Она всегда считала его уродливым. Александр любил сидеть в нём, развалившись, словно был хозяином всего мира и самой Анны. Теперь же в этом кресле сидела она.

Анна закрыла глаза, тишина была такой густой и мягкой, что ее можно было практически потрогать. В ту минуту она поняла не только то, что Александр исчез. Она поняла, что он исчез — и мир не рухнул, соседи не ворвались в квартиру, а участковый не надел на неё наручники. Все же было наоборот, ее верили и все ее жалели. И от этого внутри Анны что-то изменилось. Словно медленно открылась дверь, за которой много лет была темнота. Анна увидела себя со стороны: тихую женщину с аккуратной причёской, синяком у виска и правильным, уста-

лым голосом. И поняла, как легко люди смотрят на эту женщину и не замечают за ней ничего другого. История получилась простой и понятной: домашний тиран избивал жену, а потом однажды ушёл и не вернулся. В такую историю людям было удобно верить. Анна открыла глаза.

На столе Александра лежала синяя тетрадь в клетку. Обычная школьная тетрадь с загнутым уголком. Когда-то он записывал в неё расходы на машину, телефоны знакомых, какие-то суммы, фамилии и даты.

Анна взяла тетрадь и полистала. Почерк Александра был крупным, неровным. Он так сильно нажимал на ручку, что буквы отпечатывались на следующих страницах. Анна нашла чистый разворот, некоторое время просто смотрела на него. Потом открыла ящик стола, достала ручку и проверила её на краю старой газеты. Положила ладонь на страницу и вдруг ей захотелось записать всё, что произошло. Для себя, чтобы где-то существовала настоящая история — та, о которой никто никогда не догадается.

Анна наклонилась над тетрадью, написала дату, а затем вывела первое предложение:

****«Сегодня я поняла, что свобода может пахнуть хлоркой».** **

Она остановилась и перечитала написанное, потом снова поставила ручку на бумагу и слова пошли сами.

Она писала о том, как Александр кричал. Как ударил её. Как она упала и на мгновение увидела под кроватью серую пыль. Как поднялась. Как он повернулся к ней спиной, уверенный, что она снова промолчит... Анна записывала всё подробно, почти жадно.

Анна писала долго. За окном темнело. В доме хлопали двери. Где-то плакал ребёнок. На кухне остывал чай. В коридоре всё ещё держался слабый запах хлорки, но теперь он не казался ей отвратительным, это был запах конца прежней жизни. Когда Анна закончила, тетрадь была исписана почти наполовину. В конце она вывела отдельной строкой:

****«Меня не наказали».** **

Подумала и ниже добавила:

****«Значит, я могу».** **

Анна перечитала обе фразы несколько раз. Именно тогда внутри неё впервые появилось чувство, которое потом будет возвращаться всё чаще. Власть, ведь она обвела вокруг пальца всех во круг, они видели ровно то, что она намеревалась им показать.

Анна закрыла тетрадь и положила ладонь на обложку. Ей казалось, что она только что исповедалась.

Она встала, подошла к зеркалу и посмотрела на себя. Синяк над виском стал темнее. Лицо было бледным и осунувшимся. Губы пересохли. Волосы собраны небрежно. Но глаза блестели.

Анна долго рассматривала своё отражение, а потом тихо произнесла:

— Теперь ты сама себе хозяйка.

Она вернулась к столу, взяла синюю тетрадь и спрятала её в нижний ящик под старые автомобильные журналы Александра. Рядом, в жестяной коробке, лежали его часы. Стрелки всё ещё показывали 2:17. Анна закрыла ящик на ключ, а ключ положила в карман халата. Вечером она снова легла посередине кровати, на этот раз уверено и с наслаждением победителя.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА 4

Прошло два года. Срок небольшой, но для Анны Алексеевны эти два года стали новой жизнью, уже без Александра. Квартира больше не пахла им от него в квартире почти ничего не осталось. Пальто давно исчезло. Рубашки Анна вынесла в старой клетчатой сумке и оставила возле мусорных баков в соседнем дворе, чтобы никто из знакомых не увидел. Следом отправились ботинки, бритвенный станок и его дурацкие автомобильные журналы. Всё постепенно уходило из квартиры, растворялось, словно Александр никогда здесь и не жил.

Кабинет Анна переделала последним. Долго не заходила туда без необходимости, но однажды утром вошла с ведром, тряпкой и твёрдым намерением покончить с прошлым. Кресло она выбросила сразу. Позвала дворника, дала ему немного денег и попросила унести уродливое кожаное чудовище подальше. Стол оставила: когда-то она сама его выбирала. Тяжёлый, добротный, с широкими ящиками и гладкой столешницей, потемневшей от времени. За таким столом было удобно считать, писать и разбирать бумаги. Анна работала бухгалтером и умела ценить вещи не за красоту, а за пользу. Теперь на столе стояли лампа с зелёным абажуром, аккуратная стопка бумаг, чернильная ручка, календарь и чашка с тонкой золотой каймой. Возле стены появился шкаф с открытыми полками. Пока они выглядели почти пустыми: несколько книг по бухгалтерскому учёту, папка с квитанциями и одна тетрадь. Синяя, в клетку, с немного потёртыми углами.

С тишиной Анна Алексеевна научилась жить быстро, а вот с деньгами всё оказалось сложнее. Жизнь одной была приятной, но не такой уж дешёвой. Коммунальные платежи росли почти каждый год. Квитанции становились длиннее, суммы — неприятнее. Зарплата же, как назло, почти не менялась.

На работе говорили:

— Времена такие. Надо потерпеть.

Терпеть Анна умела. В этом она была почти профессионалом. Но терпение не оплачивало счета.

Она стала экономить. Реже покупала мясо. Чай выбирала подешевле. Выключала свет даже в тех комнатах, куда собиралась вернуться через минуту. Зимой ходила дома в шерстяной кофте и тёплых тапках, чтобы не включать обогреватель.

Соседки жаловались на цены, лекарства и растущее безобразие. Анна согласно кивала. Сама жаловаться не любила, но чужие жалобы охотно поддерживала.

Однажды вечером она вернулась с работы позже обычного. На улице моросил мелкий холодный дождь. Такой, от которого не сразу промокаешь, но через десять минут уже чувствуешь влагу везде. В подъезде пахло мокрой одеждой, кошками и чьей-то жареной рыбой. На первом этаже возле батареи стояли детские сапоги, оставляя на полу грязные лужицы.

Анна поднялась на четвертый этаж пешком. Лифт снова не работал. На последнем пролёте она остановилась, перевела дыхание и поймала себя на раздражённой мысли:

«За что я плачу такие деньги, если даже лифт через день стоит?»

Мысль была бытовая, обычная, почти смешная.

Анна заперла дверь на оба замка, сняла пальто, аккуратно повесила его в шкаф и прошла на кухню. Поставила чайник. Пока вода закипала, достала из сумки свежую газету, купленную по дороге. Она брала её не каждый день, а по средам там печатали объявления: работа, продажа мебели, обмен квартир, пропавшие животные, аренда жилья.

Чайник зашипел. Анна заварила крепкий чай, положила в чашку кусочек сахара и отнесла всё в кабинет. Вечерами она теперь любила сидеть именно там. Зелёный абажур мягко осветил стол, газету, чашку и её руки. За окном темнело. По стеклу ползли тонкие дождевые дорожки. Анна развернула газету. Сначала просмотрела новости. Потом цены. Затем без особого интереса дошла до страницы объявлений. Мелкий шрифт рябил в глазах.

«Сдам комнату студентке».

«Порядочная семья снимет жильё на длительный срок».

«Одинокая пенсионерка сдаст угол женщине без вредных привычек».

Анна задержала взгляд на этих строчках. Комнаты сдавали многие. И не только бедные. Люди просто приспосабливались к новым временам. Она медленно отпила чай, отложила газету и посмотрела сначала на дверь кабинета, потом — в сторону коридора.

Квартира была просторной. В зале Анна почти не сидела. Вторая комната стояла закрытой: чистая, проветренная. Там были кровать, шкаф и небольшой стол возле окна. Раньше комната считалась гостевой, хотя гости у них с Александром надолго не задерживались. Теперь комната пустовала.

Анна представила жильца. Чужие шаги в коридоре. Чужую чашку на кухне. Мысль ей не понравилась. Она слишком привыкла к тому, что в квартире всё подчиняется её порядку. Чужой человек мог нарушить этот порядок, но он мог платить.

Анна снова посмотрела на квитанцию возле календаря. Сумма внизу была обведена карандашом. Выгодно, подумала Анна, потерплю.

Она снова взяла газету и стала внимательнее читать объявления. Смотрела, как люди описывают себя, что обещают и чего требуют.

Анна усмехнулась, ведь все были чистоплотными. Никто не писал честно: «Грязный, шумный, пьющий, платить буду через раз».

Она достала из ящика блокнот и ручку. Написала: «Сдам комнату». Зачеркнула. Попробовала снова: «Женщина сдаст комнату порядочному жильцу». И это ей не понравилось.

Анна не хотела выглядеть беспомощной женщиной, которой нужен кто-то «порядочный». Ей требовался человек молодой, спокойный, не слишком уверенный в себе. Тот, кто будет благодарен за крышу над головой и не станет диктовать собственные правила. Она задумчиво постучала ручкой по столу.

Молодые мужчины, в отличие от женщин, казались ей проще. Особенно если им негде жить. До двадцати пяти лет. Позже у человека уже появлялось слишком много привычек и прошлого.

Анна снова взялась за ручку. Почерк у неё был ровным и аккуратным:

«Одинокая женщина сдаст вторую комнату молодому человеку до двадцати пяти лет. Чистоплотность и своевременная оплата обязательны».

За окном дождь усилился. Вода барабанила по карнизу, подоконнику и стеклу. Анна подумала, что жилец изменит квартиру. Жизнь с чужим человеком создаст беспорядок, но иногда и он бывает полезен.

Анна сложила газету, допила чай и тщательно вымыла чашку. Затем вернулась в кабинет, переписала объявление на чистый лист и положила возле телефона.

Утром она позвонила в редакцию. Голос девушки на другом конце провода был сонным и равнодушным:

— Объявления принимаем. Диктуйте.

Анна стояла в прихожей, держа трубку возле уха. На ней был тёмный костюм, волосы собраны в низкий узел, губы слегка подкрашены.

— Пишите, — произнесла Анна и медленно, отчётливо продиктовала: — Одинокая женщина сдаст вторую комнату молодому человеку. Возраст — до двадцати пяти лет. Чистоплотность, платёжеспособность, отсутствие вредных привычек. Оплата ежемесячно.

— Телефон указывать?

Анна назвала номер.

— Район?

Она ответила.

— На какой срок размещаем?

Анна задумалась. На неделю? На две? Потом сказала:

— На месяц.

— Хорошо. Выйдет в субботнем номере.

Анна поблагодарила и положила трубку. Сегодня было обычное утро, Анна посмотрела на своё отражение в зеркале прихожей. На спокойное лицо, ровную линию губ и глаза, в которых давно уже не осталось прежней робости.

В субботу газету купили сотни людей. Среди них был и тот, кто прочитал короткую строчку: «Одинокая женщина сдаст вторую комнату молодому человеку. Возраст — до двадцати пяти лет...» И подумал, что ему повезло.

В субботний вечер она открыла дверь второй комнаты и долго стояла на пороге, разглядывая помещение так, словно увидела впервые. Комната была небольшой, но светлой. Окно выходило во двор, на старую липу. Летом дерево почти прижималось к стеклу широкими зелёными листьями, а зимой стояло голое и чёрное, похожее на растрёпанную кисть. Анна подошла к окну и отёрнула занавеску. Ткань была чистой, белой, с мелким серым узором. Накануне она сама постирала её, выгладила и повесила обратно. В комнате пахло мылом, свежей краской и старым деревом. Возле стены стояла узкая кровать с металлической спинкой. Матрас Анна ещё утром выбила во дворе, затем застелила свежим бельём: белая простыня, светлый пододеяльник, наволочка без единой складки. Всё выглядело просто, даже скромно. Рядом с кроватью стояла небольшая тумбочка. На ней — лампа с бежевым абажуром и пустая стеклянная пепельница. Анна нахмурилась, взяла пепельницу и убрала в ящик. Возле окна стоял письменный стол, обычный простой стол с двумя ящиками и светлой потертой столешницей. На нём Анна оставила пустой стакан для карандашей, несколько чистых листов и старый, но исправный будильник. У противоположной стены находился шкаф. Анна открыла створки и ещё раз проверила: внутри было пусто. Несколько деревянных плечиков висели ровно, на одинаковом расстоянии друг от друга. В нижнем отделении оставалось место для обуви или сумки.

На полу лежал вычищенный коврик. Паркет под ним потемнел от времени. Анна специально передвинула кровать так, чтобы закрыть пятно возле стены — старый след от чемодана Александра, который когда-то несколько месяцев стоял здесь.

Анна медленно обошла комнату, проверяя каждую деталь. Дверь закрывалась хорошо, но замка с внутренней стороны не было. Только обычная защёлка. Так даже лучше.

На стене висела маленькая полка. Анна оставила её пустой. Анна тихо прикрыла дверь. Дом стал ждать нового жильца.

ГЛАВА 5

После публикации объявления телефон стал звонить активнее, чем Анна ожидала. Она не любила отвечать сразу, давала телефону немного под надрываться, чтобы человек на другом конце провода понервничал.

На кухонном столе лежала тетрадь в клетку. Раньше в ней были записаны расходы, теперь на новой странице появились аккуратные столбцы:

**Имя. Возраст. Работа. Родные. Привычки. **

Первой позвонила женщина с ребёнком.

— Мне бы комнату, — устало произнесла она.

На заднем плане плакал младенец.

— Мы тихие. Сын маленький, он не мешает.

— Нет, — сказала она.

— Но я платить буду вовремя. У меня работа есть. Просто муж...

— Нет.

Женщина замолчала. Ребёнок в трубке кашлянул и снова заплакал.

— Вы же женщина, — с обидой сказала она. — Должны понимать.

Анна положила трубку. В тетради ничего не записала. Вторым оказался мужчина с густым голосом. Говорил уверенно, даже весело. Сообщил, что работает водителем, часто бывает в рейсах, поэтому комнатой будет пользоваться «время от времени», но платить готов исправно.

— Жена есть? — спросила Анна.

Он рассмеялся:

— А вам зачем?

— Есть или нет?

— Есть. Только мы вместе не живём.

Анна представила женщину, которая однажды придёт к её двери. Встанет на площадке с сумкой. Такие женщины не исчезали из чужой жизни тихо. Они цеплялись за неё ногтями, скандалами и заявлениями.

— Комната уже сдана, — сказала Анна.

— Так вы же только что...

Она положила трубку. В тетради появилась первая запись:

****Водитель. Женат. Нет. ****

Последнее слово Анна подчеркнула. Потом позвонили двое студентов. Один сразу спросил, можно ли приводить товарища «позаниматься». Второй поинтересовался, далеко ли от дома пивной ларёк. Анна отвечала ровно, не повышая голоса. К вечеру страница почти заполнилась и все с пометкой нет.

Анна смотрела на список и начинала понимать, что ищет не просто жилья. Она ищет человека за плечами, которого никого нет, ни жен, ни сестер, ни уж тем более матерей. Она хотела покоя, тишины и порядка.

На следующий день телефон зазвонил в половине седьмого утра. Анна уже не спала. С возрастом — хотя сорок четыре ещё не старость — она стала просыпаться рано. Лежала несколько минут, не двигаясь, и различала звуки: шум труб, редкие машины на улице, лифт, шаги соседки сверху. Когда раздался звонок, она сразу поняла: этот человек звонит перед работой. Анна подождала три гудка и сняла трубку.

— Слушаю.

— Здравствуйте, — произнёс молодой голос. — Это по поводу комнаты.

Голос был совсем юным. Не детским, но ещё не вполне мужским. В нём слышались осторожность и смущение.

— Комната сдаётся.

— А можно узнать... сколько?

Анна назвала сумму. В трубке стало тихо. Она уже хотела положить трубку, но голос вернулся:

— Я смогу. За месяц вперёд надо платить, да?

— За месяц вперёд.

— Смогу, — повторил он. — Я работаю.

Анна потянулась к тетради.

— Имя?

— Алексей. Алексей Ковалев.

Она записала:

****Алексей Ковалёв. ****

— Возраст?

— Девятнадцать.

Ручка остановилась, девятнадцать. Уже не мальчик: паспорт есть, работает, отвечает за себя сам. Но ещё не тот возраст, когда человек успевает обрести семьёй, привычками, связями и наглостью.

— Учиться? — спросила Анна.

— Да. В вечернем техникуме. На механика. Днём работаю.

— Где?

— В мастерских при автобазе. Пока учеником слесаря. Иногда на складе помогаю.

Анна записала:

****Работает. Учится. ****

— Родители?

Пауза была короткой, но заметной.

— Нет.

— Что значит «нет»?

— Мать умерла. Давно. Отца я не знаю.

Анна не торопилась с новым вопросом. Молчание часто действовало лучше слов. Алексей сам продолжил:

— Я в интернате воспитывался. Потом жил в общежитии при училище. Сейчас его закрывают на ремонт, сказали искать, где жить. Мне ненадолго... То есть как получится. Я тихий. Мне только угол нужен. Я всё сам.

«Я всё сам», — отметила Анна.

Люди, привыкшие всё делать сами, редко жаловались.

— Родственники в городе есть?

— Нет.

— Друзья?

Он неловко усмехнулся:

— Знакомые есть. Но я к себе никого не вожу. Да и некого особо.

Анна провела ручкой по клеткам, ничего не записывая. На кухне слабо пахло вчерашним супом и хозяйственным мылом. За окном просыпался двор: кто-то заводил мотоцикл, дворничиха скребла метлой по асфальту.

— Пьёте?

— Нет.

— Курите?

— Нет.

— Все так говорят.

— Я правда не курю, — поспешно ответил он. — У меня от дыма голова болит.

— Документы есть?

— Паспорт, справка с работы и студенческий.

— Сегодня после семи сможете прийти?

— Смогу. Только я после работы... Могу быть в рабочей одежде.

— Придите в чистом.

Он смутился даже через телефон.

— Конечно. Я переоденусь.

Анна назвала адрес. Алексей повторил его, сбился на номере дома и попросил произнести ещё раз, она повторила.

— Спасибо, Анна Алексеевна, — сказал он, хотя она только однажды назвала своё имя и отчество и ей это понравилось. Когда она положила трубку, в тетради напротив его имени уже стояло:

**19 лет. Работает. Учится. Родных нет. Не пьёт. Не курит. **

Анна посмотрела на запись и добавила:

****Спокойный? ****

К семи она переоделась в тёмное платье с закрытым воротом. Не нарядное, но строгое. Волосы убрала назад. На кухонный стол постелила чистую скатерть, потом подумала и сняла, подумала, что это будет сильно по-домашнему, а жилец должен всегда знать, что он в этой квартире гость.

В семь двадцать позвонили в дверь, не резко один раз, после небольшой паузы позвонили второй раз. Анна подошла к двери и посмотрела в глазок. На площадке стоял юноша в серой куртке, слишком лёгкой для холодного вечера. В руках он держал клеёнчатую папку и старую спортивную сумку. Волосы у него были русыми, коротко подстриженными, уши немного оттопыривались. Лицо худое, с острым подбородком. Под глазами — синеватые тени, какие бывают у тех, кто рано встаёт и плохо ест. Он стоял прямо, но неуверенно.

— Здравствуйте, — сказал он. — Я Алексей. Мы говорили по телефону.

— Проходите.

Он шагнул внутрь и сразу остановился.

— Обувь здесь снимать?

— Здесь.

Алексей снял ботинки. Носки были чистыми, чёрными, заштопанными возле большого пальца.

Анна отметила это без брезгливости. Заштопанные носки говорили не о грязи, а о привычке ремонтировать старое.

— Руки можно помыть? — спросил он.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Ванная справа.

Алексей ушёл. Вода зашумела негромко. Анна прислушалась. Кран он открыл не до конца. Не плескался. Мыло положил на место — она услышала лёгкий стук мыльницы. Когда он вышел, руки оставались мокрыми.

— Я не знаю, какое полотенце можно взять, — объяснил он.

— На крючке.

— Не хотел брать без спроса.

Анна ничего не ответила и повела его в дальнюю комнату. Алексей вошёл и снова остановился у порога.

— Вот комната, — сказала Анна. — Кровать, стол, шкаф. Окно выходит во двор. Зимой не дует, если заклеить.

— Хорошая, — тихо произнёс он.

Анна едва заметно усмехнулась.

— Сесть можно? — спросил Алексей.

— На стул.

Он сел на самый край, положив папку на колени. Спину держал прямо, руки сложил вместе.

— Документы.

Алексей сразу открыл папку. Достал паспорт, студенческий билет и справку с работы. Всё было сложено аккуратно, хотя бумага справки уже потрепалась на сгибах. Анна взяла паспорт.

**Ковалёв Алексей Сергеевич.

Год рождения — 1974.

Место рождения — посёлок Малые Озёра.

Прописка — общежитие при училище. **

Фотография была неудачной. На снимке ему было словно не девятнадцать, а все тридцать. Только лицо ещё не успело это подтвердить.

— Прописаны в общежитии?

— Да. Но там ремонт. Нас временно выселяют. Кого к родным, кого куда. Мне некуда.

Он произнёс это без просьбы. Просто сообщил факт. Анна проверила студенческий билет. Вечернее отделение механического техникума, второй курс. Справка с работы тоже: автобаза №6, ученик слесаря, временно принят.

— Сколько получаете?

Алексей назвал сумму.

— Мало.

— Я подрабатываю на разгрузке. И по выходным иногда.

— Учёбу не бросите?

Он поднял глаза.

— Нет.

В этом коротком слове впервые прозвучало упрямство. Небольшое, сдержанное, но настоящее. Анна отметила и это.

— Почему?

Алексей растерялся:

— Что почему?

— Почему не бросите?

Он пожал плечами.

— Если брошу, так и останусь никем. А я не хочу.

Фраза была простой. Слишком молодой. В девятнадцать ещё кажется, что «не хочу» обладает силой.

— Слушайте правила.

Алексей выпрямился.

— Гостей не приводить. После десяти не шуметь. На кухне сразу за собой убирать. Чужую посуду не брать. В холодильнике у вас будет отдельная полка. В ванной воду зря не лить. Курить и пить нельзя. Если задерживаетесь после одиннадцати — предупреждаете. Оплата первого числа, вперёд.

— Понимаю.

— Нет, — сказала Анна. — Пока не понимаете. Здесь не общежитие.

Он покраснел.

— Я понимаю.

— В общежитии можно хлопнуть дверью, и никто не заметит. Здесь я замечу.

Алексей кивнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.